

Москва, Кремль товарищу СТАЛИНУ

Трудящиеся Макеевки, горя желанием отблагодарить Красную Армию за освобождение нашего города и помочь доблестным воинам быстрее разгромить немецко-фашистских захватчиков, собрали 8 миллионов рублей в фонд обороны Родины.

Присем Вас, дорогой Иосиф Виссарионович!

МАКЕЕВКА
СЕКРЕТАРЮ МАКЕЕВСКОГО ГОРКОМА КП(б)У тов. КОРЕНЕВУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МАКЕЕВСКОГО ГОРИСПОЛКОМА тов. МАТЯС

Прошу передать трудящимся города Макеевки, собравшим 8 миллионов рублей на постройку танковых колонн и эскадрилий самолетов имени освобожденного Донбасса, — мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович! Я прожил полвека, 23 года жизни при Советской власти я отдал своему любимому трубоволитейному заводу. Немцы захватчики разрушили его.

Чтобы отомстить ненавистному врагу, чтобы навеки вечные он забыл дорогу в нашу страну, вношу на постройку танковой колонны «Освобожденный Донбасс» 20.000 рублей — все свои личные сбережения.

МАКЕЕВКА
МАКЕЕВСКИЙ ТРУБОЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОД
товарищу ЧЕРНИКОВУ ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Иван Петрович, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Выполняя все возложенные на меня обязательства перед Родиной и Красной Армией, как председатель поселкового Совета «Павлоградского хутора № 1», Павлоградского района, Днепропетровской области, из своих личных средств я внес в Госбанк 50.000 рублей на постройку танковой колонны «Советская Украина».

**«ПАВЛОГРАДСКИЙ ХУТОР № 1», ПАВЛОГРАДСКОГО РАЙОНА,
ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПОСЕЛКОВОГО СОВЕТА КОЛЕСНИКОВУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Алексей Михайлович, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович! Я — колхозник артели имени Петровского, Октябрьского сельсовета, Волноваского района, Сталинской области, Шпаренко Иван Яковлевич. Пять моих сынов сражаются за Родину. Желая помочь Красной Армии быстрее разгромить врага,

**АРТЕЛЬ ИМЕНИ ПЕТРОВСКОГО, ОКТЯБРЬСКОГО СЕЛЬСОВЕТА,
ВОЛНОВАХСКОГО РАЙОНА, СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ**
КОЛХОЗНИКУ тов. ШПАРЕНКО И. Я.

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Иван Яковлевич, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Михаил ШОЛОХОВ

Москва, Кремль Председателю Государственного Комитета Обороны Маршалу Советского Союза товарищу СТАЛИНУ

Дорогой и любимый Иосиф Виссарионович! После освобождения от немецких оккупантов железнодорожного узла ст. Иловайское, Харьковской области, Сталинской области, коллектив рабочих и инженерно-технических работников в основном в короткий срок восстановил разрушенное хозяйство. Одновременно бесперебойно, быстро и в соответствии с требованиями фронта и быстрого возрождения освобожденных районов, желая приблизить час окончательного разгрома самого злейшего врага человечества — немецко-фашистских захватчиков, мы из своих личных сбережений собрали 1.005.217 рублей на постройку эскадрилий самолетов «Освобожденный Донбасс».

ИЛОВАЙСКОЕ
ХАРЦЫЗСКОГО РАЙОНА, СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ
СЕКРЕТАРЮ УЗЛОВОГО ПАРТКОМА КП(б)У т. ЛУГОВСКОМУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОРСОВЕТА т. БЫКОВУ

Прошу передать рабочим, работникам, инженерно-техническим работникам и служащим железнодорожного узла станции Иловайское, собравшим 1.005.217 рублей на постройку эскадрилий самолетов «Освобожденный Донбасс», — мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович! Доблестная Красная Армия наносит новые и новые могучие удары по ненавистному врагу. Героические советские воины, действующие на родной Украине, успешно продвигаются вперед, освобождая нашу родную украинскую землю от немецких захватчиков. Красная Армия, под Вашим мудрым водительством, вышибла немецко-фашистских захватчиков из родного нашего Донбасса. Нам особенно радостны успехи нашей Красной Армии. Мы знаем, что фронт проходит не только на полях сражений, он проходит и у нас в уловных шахтах. После двухлетнего рабства немецкой оккупации уже пять месяцев светит Сталинское солнце свободы над нашей шахтой. Мы принимаем по-фронтовому восстанавливать нашу шахту, разрушенную немецкими варварами.

Мы, рабочие, работницы, инженерно-технические работники и служащие шахты ордена Ленина № 18 имени Сталина, рады, что теперь и наш вклад в дело разгрома врага будет залогом окончательной победы. В благодарность за свое освобождение от немецкой неволи мы внесли свои сбережения в фонд обороны Родины 600.000 рублей и 4.000 тонн угля в фонд Главного Командования Красной Армии.

ШАХТА ОРДЕНА ЛЕНИНА № 18 им. СТАЛИНА
СНЕЖНОЕ, СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ
НАЧАЛЬНИКУ ШАХТОУПРАВЛЕНИЯ — тов. ГОРДИЕНКО
ПАРТОРГУ ЦК ВКП(б) — тов. БУЛАШ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ШАХТНОГО КОМИТЕТА — тов. ФЕДОРОВУ
КОМСОРГУ ЦК ВЛКСМ — тов. БЕЛОУСОВУ

Прошу передать рабочим, работникам, инженерно-техническим работникам и служащим шахты ордена Ленина № 18 имени Сталина, собравшим 600.000 рублей на строительство танков имени горняков шахты имени Сталина, внесшим 4.000 тонн угля в фонд Главного Командования Красной Армии и собравшим 50.000 рублей в фонд по оказанию помощи семьям фронтовиков, — мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль Верховному Главнокомандующему Маршалу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Для окончательного уничтожения фашистских оккупантов я, колхозник колхоза «Братня рад», Павлоградского района, Днепропетровской области, Мальченко Иван Степанович, после освобождения нашего района от немецких оккупантов из личных запасов хлеба продал государству 50 пудов хлеба и для построения гроз-

ПАВЛОГРАД, ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КОЛХОЗ «КРАИНА РАД»
Тов. МАЛЮЧЕНКО ИВАНУ СТЕПАНОВИЧУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Иван Степанович, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль Маршалу Советского Союза товарищу СТАЛИНУ

Родной Иосиф Виссарионович! Более двух лет изнуряли нас проклятые фашисты. Над нами жестоко издевались, неслыханные насилия над безвинными людьми — женщинами и стариками творили фашистские разбойники.

Меня, 65-летнего колхозника, немцы ограбили: угнали корову, забрали все продукты, вещи. Многие мне пришлось пережить. И отец шести детей: два сына моих в партизанских отрядах громили проклятых оккупантов и удостоены правительственных наград, другие два сына сражались в рядах Красной Армии. Ни пытки, ни издевательства фашистских палачей не сломили нашего духа, нашей воли к борьбе. Мы верили, что придет час освобождения от немецких оккупантов. Час этот пришел, и мы снова сталивольными гражданами советской Украины. Но мы помним Ваши указания о том, что враг еще полностью не уничтожен, что еще предстоит большая работа, чтобы изгнать его с нашей родной советской земли.

**КОЛХОЗ ИМЕНИ ШЕВЧЕНКО, ОЛИШЕВСКОГО РАЙОНА,
ЧЕРНИГОВСКОЙ ОБЛАСТИ**
КОЛХОЗНИКУ КУЛАКОВУ ВАСИЛИЮ ПЕТРОВИЧУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Василий Петрович, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль товарищу СТАЛИНУ

Дорогой наш великий полководец, Иосиф Виссарионович, от глубины души благодарю Вас и в Вашем лице бойцов и командиров Красной Армии за наше освобождение. Много бед нам причинили тридцать проклятых немецких варваров. Мне 62 года. До немецкой оккупации я был в колхозе бригадиром. Когда ворвались бандиты, я не стал работать на них и только чудом остался в живых. Пришел на нашу усадьбу долгожданный праздник освобождения. Мы организовано занялись за возрождение нашего колхоза, своевременно выполняли все государственные обязательства.

ДНЕПРОПЕТРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЮРЬЕВСКИЙ РАЙОН
КОЛХОЗ ИМЕНИ ПЕТРОВСКОГО
ЛОБОДА ХАРИТОНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Харитон Константинович, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Они сражались за родину*)

Шесть ожесточенных атак отбили бойцы соединения, прикрывавшего подступы к переправе, немецкая пехота и танки отступили за высоту, и к полудню над полем боя установилось некое затишье.

После громового гула артиллерийской канонады, грохота разрывов и пулеметно-автоматной трескотни, раскатами ходившей вдоль всего переднего края, необычной и странной показалась Звягинцеву эта внезапно наступившая тишина. Медленным движением он снял с головы каску, усталое провел по грязному лицу рукавом гимнастерки, отирая обильно струившийся пот, затем, с удовольствием прислушиваясь к негромким звукам собственного голоса, сказал:

— Ну, вот и притихло... Он насладился блаженной тишиной и с детским вниманием, слегка склонив голову набок, долго прислушивался к сухому шороху осыпавшейся с бруствера земли. Песчинки и мелкие, черные крошки глины желтым ручейком стекали по скату насыпи, отсюда падали на дно окопа, ударялись о расстрелянные гильзы, густо лежавшие у ног Звягинцева, и пилизы тоненько, мелочливо позвякивали, словно невидимые, скрытые под землей колокольчики. Где-то совсем близко застрекотал кузнечик. — Звягинцев послушно повернулся и на этот новый, привлекавший его внимание звук. Оранжевый пилель с жужжанием, похожим на вибрирующий стон низко опущенной басовой струны, сделал круг над окопом, на лету выпустил бархатно-черные, мохнатые лапки, сел на торчащий из бруствера стебель ромашки. Часто мигая, Звягинцев внимательно смотрел на упруго качающуюся запыленную ромашку, на невероятного парадного пилеля, смотрел так, будто все это он видел впервые в жизни, и вдруг удивленно вскинул голову: легко пахнувший ветер откуда-то издалека донес до его слуха чистый и звонкий крик перепелки.

И шест ветра в сожженной солнцем траве, и застывшая, сверкая жаром трава.

Звягинцев провел ладонью по отросшей на щеках медно-красной щетине, обидливо спросил:

— Какая же я, то-есть, борода! Что я тебе — старик, что ли?

— Старик не старик, а около этого, обрешити до безобразия. Ну, отымай свою порцию.

— Мало ли что обрешити... Красоту при таком отступлении некогда находить, это понимать надо, а года мои не такие уж старые, — недовольно проговорил Звягинцев, начавшая патронную сумку тяжело и маслянисто теплыми пахнущими патронами.

Не обращая внимания на поправку, словохотливый подполковник сказал:

— Что ты, отец, гнешься в окопе, как грешная душа? Немца на виду нету, стрельбы настоящей тоже нету, вылезай на солнышко, разомни старые кости!

Слова «отец» и «старые кости», очевидно, понравились Звягинцеву не по вкусу, он поморщился, но без ехидства спросил:

— А почему же ты, парень молодой, на пузе переминаешься, если немца не видно и огня мало?

— Это я по старой привычке, — смеясь, ответил подполковник. — Понимаешь, при моей специальности до того привык показом, как пресмыкающееся животное, пробираться, что боюсь, как бы вовсе не разучился на ногах ходить. Все время так и танкет на брюхо проползаю.

— Дурное дело нехитрое, вполне можно было разучиться, — охотно подтвердил Звягинцев.

От скуки ему захотелось поговорить с веселым парнем, и он спросил, как и всегда при разговоре с молодыми бойцами, невольно употреблял тон слегка снисходительный и покровительственный:

— Ты, паренек, не на третий рот? Личность твоя мне, будто, знакомая.

— Из третьей?

— А фамилия твоя как?

— Утишев.

— Ты женатый, Утишев?

Парень отрицательно покачал головой, заулыбавшись.

— Возраст мой молодой, не успел до войны.

— То-то, что не успел... Вот будешь подполковником работать, отвыкнешь ходить, а после войны вздумашь жениться и вместо того, чтобы идти на своих — на двоих, как все добрые люди делают, вспомнишь военную привычку и попользуешься на пузе к левке свататься. А она, сердешная, увидит такого жениха и — хлоп в обморок! А невестин родитель и учует тебя поперек спины палкой охаживать да приговаривать: «Не позорь честную невесту, такой-сякой! Ходи, как ползаете!»

Утишев потянул к себе за лямку патронную коробку, усмехаясь, сказал:

— Небритый ты, а хитрый... Ты мне

зубы не заговаривай, я слушаю — слушаю, а патронам счет веду. Кончилась заправка! Стрелять не тебе одному.

Звягинцев хотел что-то возразить, но Утишев полз к соседнему окопу и, не поворачивая головы, вдруг наставительно и серьезно сказал:

— А ты, борода, стреляй поожомней и помечте, а то ты, наконец, дулаешь в белый свет, как в копеечку. Да про деушек на старости лет поменьше думай, тогда у тебя и руки дрожать не будут...

От неожиданности и обиды Звягинцев не сразу нашлось что ответить и, только помедлив немного, крикнул вогонку:

— Бабунку свою поучи, как надо стрелять, солнышко ты этак!

Утишев полз, улыбаясь и не оглядываясь, влозал за собой патронные коробки. Звягинцев презрительно посмотрел на его спину с проступившими на лопатках белыми пятнами соли, на веревочную лямку, перекинутую через плечо и глубоко врезавшуюся в добула вывернувшую на солнце гимнастерку, откровенно подумал: «Народ какой-то несерьезный пошел, просто чорт его знает, что за народ! Как, скажи, все они в учениках у Петьки Лопаткина были... Эх, беда, беда, нету Михаила Стрельцова и поговорить толком не с кем».

Мимолетно поговорив об отсутствующем друге, Звягинцев привел в порядок свое солдатское хозяйство: выбросил катавишес под ногами гильзы, поправил скатку, выстилал травой и припрятал в пину котелок; хотел было немного углубить окоп, но при одной мысли о том, что надо опять орудовать лопаткой, до кусочку отогнать сухую и твердую, как камень, землю, — все существо его воостало против этого, и он ощутил вдруг такую чудовищную тяжесть и усталость в руках, что сразу же и бесповоротно решил: «Обойдется и так, не копаю же рыть, на самом деле! А смерть, если захочет, так и в колодезь найдет».

Редкие хлопья облаков плыли на восток медленно и величаво. Лишь наредка белая, искрившаяся тучка ненадолго закрывала солнце, но и в такие минуты не становилось прохладнее; расклевывая землю дылаша жаром, и даже теневая сторона окопа была до того нагрета, что Звягинцеву противно было к ней прикасаться.

В окопе стояла духота неподвижная, мертвая, как в жарко натопленной бане; изредка взлетал поинтересный откуда-то мухи. Разморенный полуденным зноем

Звягинцев, посидев на свернутой скатке, вставал, тер тыльной стороной ладони слезавшиеся глаза, смотрел на подбитые и споревшие танки, на распластаные по степи трупы немцев, на бурную хвостатую тучу пыли, дымившуюся далеко за высотами над грейдером, что танку-ся на восток параллельно течению Дона.

«Что-то умываются проклятые фрицы, — думал он, следя за движением пыли. — К ним, видать, покровления идут, вот какую пыльную подиаль. Подтянут silenzio, перегруппировку сделают, заложат болячки и опять ползут. Они — упорные черти, неизменно упорные! Но и мы не из глины деланные, мы тоже научились улавливать изнего брата так, что пилель только успевают красную юбку под носом вытирать. Это им не сорок первый год! Поблаговались сыздала, и хватит!» — успокаивая себя, размышлял Звягинцев, а потом перевел взгляд на подбитый Лопаткиным танк.

Темносерая, еще недавно грозная машина стояла, повернувшись наискось, зияя навсегда умолкшим жерлом приподнятого оружейного ствола. Первый танкист, прыгнувший из люка и срывающийся по очереди автомата, лежал возле гусеницы, широко раскинув руки, и ветер лениво шевелил плиту его распластнутого мундира; второй — убитый Звягинцевым — перед смертью успел оттолкнуть от танка. Словно редкие кусты полился Звягинцев видел его темноволосый затылок, выброшенный вперед загорелую руку с засученным по локоть рукавом серой рубашки, отползшие, свисавшие на солнце подковы и круглые, белые, стертые пилельки гвоздей на подошвах ботинок.

При такой жарине к вечеру и вот этот кристальный моль и другие битые обязательно припрухнут и войдут напугать. От таких соседств тут не пролхнешь... — почему-то вслух сказал Звягинцев и гадливо поморщился.

По спине его ползали мурашки, и он зябко донел плечами, вспоминая тошнотный складный, группный запах, с самого начала весны неизменно сопутствовавший полку в боях и переходах.

Давным-давно прошло то время, когда Звягинцеву, тогда еще молодому и неопытному солдату, непременно хотелось взглянуть в лицо убитого им врага; сейчас он равнодушно смотрел на распростертого непотопленного рослого танкиста, сраженного его пулей, и испытывал лишь одно желание: поскорее выбраться из тесного око-

па, который за шесть часов успел осатанеть ему досмерти, и поспать без просыпу суток двое где-нибудь в скирде свежей ржаной соломы.

Он без труда восстановил в памяти духовный запах только что обмолоченной ржи, застал от нахлынувших и сладко сказавших сердце воспоминаний и снова опустился на дно окопа, откинул голову, закрыл глаза. Его бород, и теперь он с удовольствием поговорил бы даже с Лопаткиным, чтобы разрешить тяжкую дрему, но Лопаткин после четвертой атаки немцев перекочевал в запасной окоп и был далеко.

В забытых, когда незаметно стирался грань между сном и явью, Звягинцев видел жену, детисек, убитого им танкиста в серой рубашке, директора МТС, какую-то незнакомую мелководную речушку с быстрым течением и отполированной, разноцветной галькой на дне... Речушка бесповоротно вкружилась в крутых глинистых берегах, гудела все настойчивее, сильнее, и Звягинцев нехотая очнулся, раскрыл глаза: над ним рыжело в небо шла шестерка наших истребителей, далеко опережая отставший аэроплан гуд своих моторов.

Звягинцев был человеком практического склада ума и любил свою авиацию не вообще и не во всякое время, а только когда она прикрывала его с воздуха или на его глазах бомбила и штурмовала вражеские позиции; поэтому-то он и проводил стремительно удаляющийся истребительный холостым взглядом из-под сопы прислушавшихся рек, с тихой злобостью заборотал: — Опять опоздали! Когда нас немцы бомбили и висели над нами порядком, как привязанные, вы, небось, кофий пили да собакам валежины свои натягивали, а теперь, после начального разбора, поили в пустой след порхать, государственное горючее зря жечь... Истребители бензина вы, вот кто вы есть такие!

Познать свое негодование до конца ему не удалось — немцы начали артиллерийскую подготовку, и на передний край обрушился вдруг такой жестокий шквал огня, что Звягинцев выт из окопа и об истребителях, и обо всем остальном на свете...

Сотни снарядов и мин, со свистом и воем вспарывая горячий воздух, летели из-за высот, рвались возле окопов, вызывая брызжащие осколками черные фонтаны земли и дыма, вдоль и поперек перепахивая и без того сплошь усыпанную воронками, извилистую линию окопов. Разрывы

Продолжение на 3 стр.

